

Р. С. Притченко

старший преподаватель

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,

кафедра общеправовых дисциплин и международного права

Французский бульвар, 24/26, Одесса, 65058, Украина

ВОПРОСЫ ПОНИМАНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Анализируется разнообразное понимание судебной практики в правовой науке начала XX столетия, в советский период развития правовой науки и формулируется современное понимание этого вида юридической практики.

Ключевые слова: юридическая практика, судебная практика, правоположение, источник права.

В результате отправления правосудия в государстве складывается судебная практика. Сущность и значение судебной практики давно составляют предмет теоретических исследований в правовой науке. Важность исследования данного вопроса заключается в том, что в судебной практике “проявляется все богатство правовых норм, выраженных в сжатых, схематичных, абстрактных положениях, обобщающих бесчисленные и разнообразные жизненные случаи. В ней нормы права находят конкретное воплощение, в котором раскрывается их жизненный смысл, обнаруживаемый путем толкования” [1, с. 114].

В юридической литературе нет единого мнения в определении понятия “судебная практика”, а также в определении ее роли и значения в украинской правовой системе. Мало того, в целом в отечественной юридической литературе за последнее десятилетие теоретическим проблемам судебной практики посвящено мизерное количество работ, главным образом журнальных статей, а последнее фундаментальное исследование в этой области проведено под руководством профессора С. Н. Братуся еще в середине семидесятых годов XX века. Хотя и там отмечалось, что основу научных разработок по проблеме судебной практики составляют небольшие труды, посвященные юрисдикционной деятельности судебных органов по применению различных отраслей законодательства при рассмотрении соответствующих дел.

Однако вопросы природы судебной практики, ее места, значения и роли в правовой системе нашего государства всегда имели актуальность и привлекали внимание как ученых, так и практикующих юристов. Тем не менее, “по сравнению с тем вниманием, которое уделялось юрисдикционной деятельности судебных органов по применению гражданского, трудового, брачно-семейного, уголовного, административного и процессуального законодательства, внимание, обращенное на теоретические проблемы судебной практики в юриспруденции было куда меньше” [2, с. 3].

В целом теоретические проблемы судебной практики волновали умы светил юридической науки Российской империи еще в конце XIX — на-

чале XX века. Как правило, изучение судебной практики в этот период сводилось к проблеме разграничения судебной практики (судебного прецедента) и обычая; творческой роли суда в процессе разрешения различных казусов; определенности правовых норм в процессе правоприменения.

Так, крупный ученый-юрист Н. М. Коркунов писал, что “судебная практика имеет много общего с обычаем. Подобно обычаю, и в судебной практике юридические нормы выражаются не в общей форме, а лишь в применении к отдельным, частным случаям” [3, с. 357–358]. Это позволяло многим в то время говорить о судебной практике как о частной форме обычного права.

Совсем иной точки зрения, более радикальной, придерживался другой крупный правовед конца XIX — начала XX века Тарановский Ф. В., который акцентировал внимание на том, что судебная практика несомненно должна признаваться самостоятельным источником права [4, с. 192–197].

Точку зрения Тарановского Ф. В. по поводу творческого характера судебной практики разделяет и Трубецкой Е. Н. Он пишет, что “наряду с административными распоряжениями закон в тесном смысле дополняется нормами, создаваемыми судебной практикой” [5, с. 130–131].

При этом под судебной практикой Трубецкой Е. Н. понимал результат, итог деятельности судебных органов в виде “устоявшейся линии по разрешению определенной категории дел” [6, с. 94–96]. Такого же мнения о судебной практике придерживался и Шершеневич Г. Ф. [7, с. 465–471].

Суд считался инстанцией, применяющей закон к казусам, встречающимся в действительности. Но в силу невозможности для законодателя предвидеть все разнообразие казусов, судебная практика поневоле не ограничивается одним только применением закона к случаям действительной жизни. В жизни общества встречаются случаи, законом не предусмотренные, и суд, разбирая такие случаи, призван играть творческую роль; он должен разрешать всякие казусы и, сталкиваясь с новыми казусами, волей-неволей вынужден создавать для них новые нормы права.

Анализируя утверждения, высказанные учеными-юристами в тот период, можно заключить, что суд, не ограничиваясь одним применением закона к соответствующим случаям и дополняя существующее законодательство новыми, иногда даже весьма существенными, нормами, тем самым проявляет творческую деятельность.

Мы можем сделать вывод о том, что проблематика выработки какого-либо единого определения судебной практики не так волновала ученые умы, как проблема признания за судебной практикой статуса источника права и проблема нахождения различий между судебной практикой и обычаем.

Однако, опираясь на обобщенный анализ основных положений в работах видных ученых-юристов периода конца XIX — начала XX века, мы в силах самостоятельно дать определение судебной практики, которое отражает ее место и роль в указанный период развития теоретических знаний о государстве и праве. Таким образом, под судебной практикой в нача-

ле XX века понималась *судебная деятельность, направленная на нормирование человеческих отношений, в виде сложившегося по обыкновению, единообразного применения правовых норм при разрешении определенной категории дел.*

Уже в советский период правовая наука “стояла на позиции определения судебной практики как деятельности судов по применению законов при разрешении спорных, подлежащих их компетенции ситуаций и использованию опыта и результатов этой деятельности и надлежащем осуществлении правосудия” [8, с. 3]. Роль, которую при этом играла судебная практика в советской правовой системе, сводилась к конкретизации норм закона в процессе его применения судами; к обеспечению единообразного применения судами законов; к помощи в процессе совершенствования законодательства.

Проблемам определения судебной практики в советской юридической литературе отдельно не уделялось много внимания, косвенно эти проблемы были подняты только в 1940–1950-е годы в ходе дискуссии о роли руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР и Пленумов Верховных Судов союзных республик.

В эти годы высказывалось по крайней мере **четыре различных точки зрения по данному вопросу**. *Первая* — что судебная практика — это выводы и обобщения, сделанные Пленумом Верховного Суда СССР из ряда однородных судебных решений, применяемых судами в течение определенного периода по однородным делам. Так, Орловский П. Е. писал, что под судебной практикой следует понимать “не отдельные судебные решения, а выводы и обобщения, сделанные Пленумом Верховного Суда СССР из ряда однородных судебных решений, применяемых нашими судами в течение определенного периода времени по однородным делам” [9, с. 96].

Вторая — что судебная практика — это решения по конкретному делу, из которых складывается судебная практика. В этой связи Вильнянский С. И. писал, что “значение руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР состоит в руководстве судебной практикой. Но руководящие разъяснения сами по себе не являются судебной практикой, они не являются решениями по конкретному делу, из которых складывается судебная практика” [10, с. 75–76].

Третья — что судебная практика — это “известная тенденция разрешения судами отдельных категорий дел, воплощаемая во вступивших в законную силу решениях и определениях судов разных инстанций” [11, с. 135]. Разделяя эту точку зрения, О. С. Иоффе писал, что “под судебной практикой понимают обобщенное выражение единой линии советских судебных органов при разрешении дел данной категории, находящей свое воплощение во вступивших в законную силу решениях и определениях народных судов и вышестоящих судебных инстанций” [12, с. 44].

Сторонники *четвертой* точки зрения утверждали, что “судебную практику” следует понимать как “общую категорию, а внутри ее рассматривать отдельные разновидности, отдельные формы с точки зрения и нормотворческого характера. Понятие судебной практики следует применять только

тогда, когда выявляется определенная линия в деятельности судебных органов в отношении решения того или иного вопроса, когда решение данного вопроса представляется более или менее устоявшимся” [13, с. 125].

Оценивая эти взгляды, в них можно, несмотря на текстуальные различия, выявить определенное единство и сделать вывод, что **судебная практика** в середине XX века понималась как — *устоявшееся, единое мнение судов о применяемой норме права, выявляющееся в единообразном разрешении дел определенной категории*. Расхождения в понимании судебной практики проявлялись главным образом в том, что по-разному определялись те судебные органы, которые вырабатывают это единое, устоявшееся мнение.

В конце 60-х — первой половине 70-х годов XX века в советской правовой науке была предпринята попытка определить понятие **“судебная практика” в широком значении** — *как деятельность всех судов, входящих в судебную систему, функционирующую с целью осуществления социалистического правосудия путем рассмотрения различных категорий дел, и как все результаты этой деятельности*.

Мнения о том, что под судебной практикой следует понимать деятельность всех судебных органов по осуществлению правосудия, всей судебной системы, придерживались многие авторы. Так, В. И. Смолярчук писал, что “под судебной практикой следует понимать обширную деятельность всей судебной системы страны” [14, с. 32]; В. П. Реутов под юридической практикой понимал “деятельность субъектов права в процессе формирования и реализации его норм, заключающуюся в издании нормативных актов и в совершении различных индивидуальных актов” [15, с. 86].

Такое же отношение к судебной практике со стороны ученых можно увидеть и в работах 80-х годов XX века, а также постсоветского периода. Так, Цихоцкий А. В. дает следующее определение судебной практики: “это обобщенный результат деятельности судов по применению права при рассмотрении и разрешении дел” [16, с. 164]. К. И. Комиссаров относит судебную практику к области правоприменения и утверждает, что “судебная практика — в любом случае область правоприменения, правоприменительный процесс и его результат. Вся деятельность по осуществлению правосудия (а не какая-то ее часть) охватывается понятием судебной практики” [17, с. 25–27].

Также в 70-х годах XX века в советской правовой науке прочно утвердилось мнение о допустимости и целесообразности выработки понятия **“судебная практика” в узком смысле слова**.

Однако объем этого понятия определялся различными авторами неодинаково. Так, В. Б. Алексеев считал, что “судебной практикой в более узком смысле является правоприменительная деятельность судебных органов” [18, с. 3], в свою очередь Г. Т. Ткешелиадзе понимал под ней “деятельность судов, которая связана с выработкой определенных положений на основе конкретизации и неоднократного применения закона” [19, с. 14].

Действительно, в процессе применения закона очень часто возникает необходимость в более глубоком и детальном его истолковании, чем просто разъяснение его содержания. Это требование заложено в самой природе

закона — общего (абстрактного) правила, которое должно регулировать многообразные конкретные индивидуализированные общественные отношения. Данные отношения могут быть подведены под действие закона лишь в процессе конкретизации и детализации его содержания.

Тем не менее сведение судебной практики как видового понятия только к результатам и итогам деятельности судебных органов, связанной с пониманием судьями норм права, их толкованием и конкретизацией, без учета самой деятельности, не соответствует своему родовому понятию — категории “юридическая практика”, тогда как видовое понятие должно включать в себя все признаки родового понятия. Кроме того, данное понимание судебной практики не соответствует также и философской категории “практика”, а в конкретных науках философские категории не могут интерпретироваться в узком, упрощенном смысле, как бы ни были убедительны аргументы, оправдывающие такое упрощенное толкование.

Углубляясь в исследование феномена судебной практики, С. Н. Братусь и А. Б. Венгеров писали, что “судебная практика как итог судебной деятельности — есть результаты толкования норм права в процессе их применения судом при разрешении конкретных дел. Эти результаты раскрывают и углубляют содержание применяемой нормы, конкретизируют ее в форме определенных положений своеобразного нормативного характера — правоположений. Правоположения являются необходимым звеном, опосредствующим применение закона к спорному случаю” [20, с. 16].

С такой трактовкой особенностей судебной практики не соглашается профессор В. М. Сырых. Он утверждает, что неправомерно ограничивать судебную практику деятельностью, связанной с разработкой только правоположений. Он пишет, что “подход к судебной практике как к понятию, обозначающему всю деятельность судебных органов по отправлению правосудия, не только соответствует смыслу философской категории, что важно само по себе, но и способствует успешному решению целого ряда важнейших проблем правовой науки” [21, с. 40].

Если вдаваться в философские рассуждения, то необходимо учитывать, что решающим критерием отнесения той или иной деятельности к практике является характер деятельности, а не ее результаты. Любая чувственно-предметная деятельность человека, направленная на преобразование природы или общества, есть практика.

На наш взгляд, специфика судебной практики как явления более точно отражается в определении, выработанном С. Н. Братусем и А. Б. Венгеровым. Понимая судебную практику, ученые исходят не только из устоявшегося, сложившегося и завершенного мнения судов, а делают свои выводы через конкретную научную категорию — “*правоположение*”, которая в свою очередь очень хорошо вписывается в качестве элемента в содержание другой научной категории, а именно — в механизм правового регулирования общественных отношений. С другой стороны, выработка определения судебной практики без учета непосредственно самой деятельности органов судебной власти, на наш взгляд, несколько искажала бы саму суть исследуемого явления.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что **судебная практика** — это совокупная деятельность органов судебной власти по выработке и закреплению в своих решениях правоположений, направленная на обеспечение осуществления правосудия.

Литература

1. Гурвич М. А. Судебное решение: Теоретические проблемы. — М.: Юрид. лит., 1976. — 174 с.
2. Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С. Н. Братуся. — М.: Юрид. лит., 1975. — 328 с.
3. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 430 с.
4. Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. — СПб.: Лань, 2001. — 560 с.
5. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. — СПб.: Лань, 1999. — 224 с.
6. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. — Одесса, 1919. — 230 с.
7. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 1–4. — М., 1910–1912. — 805 с.
8. Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С. Н. Братуся. М.: Юрид. лит., 1975. — 328 с.
9. Орловский П. Е. Значение судебной практики в развитии советского гражданского права. // Советское государство и право. — 1940. — № 8–9. — С. 96.
10. Вильнянский С. И. Значение руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР. // Ученые записки Харьковского юридического института. — Харьков. — Вып. № 13. — 1959. — С. 75–76.
11. Правотворчество в СССР / Под ред. А. В. Мицкевича. — М.: Юрид. лит., 1974. — 313 с.
12. Иоффе О. С. Советское гражданское право. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. — 415 с.
13. Новицкий И. Б. Источники советского гражданского права. — М.: Юрид. лит., 1959. — 160 с.
14. Смолярчук В. И. Источники советского трудового права. — М.: Юрид. лит., 1978. — 168 с.
15. Реутов В. П. О понятии юридической практики // Государство, право, законность. Пермь, 1974. — Вып. 5. — С. 75–94.
16. Цихоцкий А. В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. — Новосибирск, 1997. — 391 с.
17. Комиссаров К. И. Роль судебной практики в последовательном развитии законодательства // Межвузовский сборник научных трудов “Проблемы гражданского процессуального права в свете Конституции СССР”. — Свердловск, 1980. — С. 25–27.
18. Методика обобщения судебной практики. — М.: Юрид. лит., 1976. — 68 с.
19. Ткешелиадзе Г. Т. Судебная практика и уголовный закон. — Тбилиси, 1975. — 96 с.
20. Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С. Н. Братуся. — М.: Юрид. лит., 1975. — 328 с.
21. Сырых В. М. Метод правовой науки: (Основные элементы, структура). — М.: Юрид. лит., 1980. — 176 с.

Р. С. Притченко

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кафедра загальноправових дисциплін та міжнародного права
Французький бульвар, 24/26, Одеса, 65058, Україна

ПИТАННЯ РОЗУМІННЯ СУДОВОЇ ПРАКТИКИ

Резюме

В юридичній науці відсутня єдина точка зору щодо визначення поняття “судова практика”, а також щодо визначення її ролі, значення та місця в правовій системі України. Визначення судової практики як видового поняття повинно не суперечити своєму родовому поняттю — “юридична практика”. Судова практика являє собою сукупну діяльність органів судової влади по напрацюванню і закріпленню в своїх рішеннях правоположень, направлену на забезпечення здійснення правосуддя.

Ключові слова: юридична практика, судова практика, правоположення, джерело права.

R. S. Pritchenko

Odessa National University after I. I. Mechnikov
Chair of Theory of Law and International Law
Frantsuzsky boulevard, 24/26, Odessa, 65058, Ukraine

THE ISSUES OF COMPREHENDING THE COURT’S PRACTICE

Summary

The juridical science has not the single view of defining the issue of the court’s practice as well as the understanding of its role and the meaning for the Ukrainian law system. The definition of the court’s practice as specific term mustn’t contradict to the definition of juridical practice as generic term. The court’s practice represents the common activity of the courts in working out and fixing in their sentences the legal norms to guarantee the course of justice.

Key words: juridical practice, court’s practice, legal norm, source of law.